

ПЯТЬ УРОВНЕЙ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ МИФОЛОГИИ (продолжение)*

Толстых Владислав Леонидович

Ведущий научный сотрудник Института философии и права Сибирского отделения Российской академии наук, заведующий кафедрой международного права Новосибирского государственного университета, доктор юридических наук (Новосибирск), e-mail: vlt73@mail.ru

Данная статья продолжает статью «Международное право как мифология», в которой утверждается, что дескриптивные идеи, используемые международным правом, искажают реальность и в связи с этим являются мифами. Мифологическая структура международного права состоит из пяти уровней. На первом, базовом, уровне находятся идеи суверенитета и прав человека, которые имеют основу в христианском учении о воле и были окончательно утверждены при переходе от Средних веков к Новому времени (XVI–XVII вв.). На втором уровне находятся либеральные идеи XIX в.: мирного разрешения споров, международного управления, свободы торговли, гуманного ведения войн и самоопределения. На третьем уровне находится идея международного преступления, сформулированная после Второй мировой войны и применимая к действиям государств (агрессивная война) и действиям частных лиц (терроризм). На четвертом уровне находятся неолиберальные идеи второй половины XX в.: общего суверена, общего права, запрета применения силы, устойчивого развития, общего наследия и др. На пятом, формирующемся, уровне находится идея технологий. В данной статье рассматриваются особенности каждого уровня: культурологические и политические предпосылки его формирования, связь с другими уровнями, свойства организованного на его основе порядка, содержание и логические дефекты образующих его мифов, характер их деструктивного воздействия и др.

Ключевые слова: познание, международное право, мифология, суверенитет, права человека, история права, политика

FIVE LEVELS OF INTERNATIONAL LEGAL MYTHOLOGY (continuation)

Tolstykh Vladislav

Leading researcher, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, head of the chair, Novosibirsk State University (Novosibirsk), doctor of legal sciences, e-mail: vlt73@mail.ru

This article continues the article «International Law as a Mythology», which states that the descriptive ideas used by international law distort reality and are, therefore, myths. The mythological structure of international law consists of five levels. At the first (fundamental) level, there are the ideas of sovereignty and human rights, which have a basis in the Christian doctrine of the will and were finally approved during the transition from the Middle Ages to the Modern history (the 16th and 17th centuries). At the second level, there are the liberal ideas of the 19th century: peaceful settlement of disputes, international governance, free trade, humanization of war and self-determination. At the third level, there is the idea of international crime, formulated after the Second World War and applicable to acts of states (aggressive war) and acts of individuals (terrorism). At the fourth level, there are neoliberal ideas of the second half of the 20th century: common sovereign, common law, prohibition of the use of force, sustainable development, common heritage, etc. At the fifth (emerging) level, there is the idea of technology. The article discusses the features of each level: the cultural and political

* Первая часть статьи была опубликована в 3-й номере журнала за 2019 год.

prerequisites of its formation, the relationship with other levels, the characteristics of the order organized on its basis, the content and logical defects of the relevant myths, the character of their destructive impact, etc.

Key words: cognition, international law, mythology, sovereignty, human rights, history of law, politics

Третий уровень: миф о войне и миф о терроризме. Либеральный образ порядка был уязвим в одном важном моменте: международное право не содержало общего запрета применения силы, ограничиваясь процедурными и иными необременительными ограничениями (запрет применять силу до исчерпания мирных средств, для взыскания долгов и др.). Данный пробел не был случайным: благодаря войне капитал мог захватывать новые рынки, устранять конкурентов и получать государственные заказы, а правительства – приобретать новые территории, преодолевать экономические кризисы и получать народную поддержку. Таким образом, волевые и либеральные мифы действовали как проводники капитализма, порождая экономические и политические дисбалансы и не предлагая конструктивных рецептов их снятия или преодоления. Результатом стали две мировые войны, которые поставили под угрозу данные мифы и построенный на их основе порядок. С целью разрешения этого кризиса и реабилитации старых мифов и был сформулирован миф о войне.

Данный миф игнорирует объективные причины войны и возлагает ответственность за нее на жестокого правителя и его окружение, определяемых как враги человечества (*hostis humani generis*)¹. Народ в этой трактовке предстает не как коллективный преступник, но как жертва чудовищного обмана. С разоблачением обмана и искоренением индивидуального зла он становится *просвещенным* – очищенным от подозрений и защищенным от повторения ошибки²; а связь, установленная общественным договором, восстанавливается и укрепляется³. Стигматизация отдельных политиков сопровождается стигматизацией всего *политического*: любое усиление государства отныне определяется как тоталитарная тенденция, которой следует противодействовать всеми способами. Обратной стороной этого является идеализация неполитического, способствующая экспансии механизмов рыночного регулирования. Рынок перестает быть просто местом товарного обмена и становится основанием общего и индивидуального счастья, сферой реализации личных амбиций *par excellence*⁴.

Стигматизация политического осуществляется путем его выведения за пределы рационального: тоталитаризм представляется как зло, вошедшее в мир извне и служащее источником себя самого⁵. Он является не немецким, советским и пр., но прежде всего *тоталитарным*. Следствием его иррациональности является его случай-

¹ И. Кант писал: «Что же такое по понятиям международного права... несправедливый враг? Это – тот, чья публично выраженная (будь то словом или делом) воля выказывает максимум, согласно которой, если сделать ее всеобщим правилом, невозможно состояние мира между народами и должно быть увековечено естественное состояние» (Кант И. Метафизика нравов в двух частях // Кант И. Сочинения: в 6 т. М., 1965. Т. 4. Ч. 2. С. 277).

² Э. Юнгер пишет: «Но если конфликт все же возник, например, разразилась война или было совершено преступление, то он трактуется как заблуждение, повторения которого можно избежать с помощью воспитания или просвещения. Заблуждения якобы появляются только потому, что людьми еще не вполне осознаны факторы, влияющие на грандиозную калькуляцию, в результате которой должно получиться полностью однородное население земного шара – принципиально доброе и разумное, а потому всецело защищенное человечество» (Юнгер Э. Об опасности (1931) // Юнгер Э. Политические статьи 1923–1933. М., 2008. С. 254).

³ Более того, просвещенность масс легитимирует их еще большую роль в политике. Ю. Хабермас пишет: «...Преодоление фашизма образует особую историческую перспективу, из которой следует понимать постнациональную идентичность, сформированную на универсалистских принципах правового государства и демократии» (Хабермас Ю. Политические работы. М., 2005. С. 141). Сомнения здесь вызывает очевидная несоразмерность между онтологическим ужасом Холокоста и политическим характером извлекаемых из него уроков; получается, что главный из них состоит в необходимости соблюдения законов и участия в выборах.

⁴ Эта идея, провозглашенная в XIX в. Р. Кобденом, была научно обоснована Л. Ф. Мизесом (Мизес Л. Ф. Либерализм. М., 2007) и Ф. А. фон Хайеком (Хайек Ф. А. фон. Дорога к рабству. М., 2005).

⁵ Архетипом иррационального является фигура Гитлера, человеческие черты которого (вегетарианство, художественный талант) не оправдывают, но, наоборот, усиливают внушаемые им страх и отвращение.

ный характер: тоталитаризм не является ни причиной, ни следствием, не вытекает из событий прошлого и не трансформируется в события будущего. Такая трактовка не только снимает подозрение с либерализма, но и восстанавливает весь ход западной истории¹; позволяет «писать стихи после Освенцима»². Любой международный уголовный суд в связи с этим выполняет двойную функцию: каждый его приговор не только осуждает конкретное лицо, но и оправдывает все человечество. Иррациональность тоталитаризма объясняет характер борьбы с ним: если тоталитаризм чужд этому миру, значит, его приближение нельзя заметить, ему нельзя противодействовать на ранних этапах, а его искоренение не влечет негативных последствий.

Таким образом, миф о войне представляет собой защитный миф, призванный снять ответственность с оказавшихся под угрозой волевых и либеральных мифов, переложить ее на отдельных политиков и попутно стигматизировать альтернативы (фашизм, коммунизм, исланизм и т. п.). В юридическом плане он предполагает, *во-первых*, определение тоталитаризма, т. е. отступления от западных стандартов демократии как угрозы международному миру и безопасности; *во-вторых*, игнорирование объективных причин конфликтов и возложение всей ответственности на конкретное лицо, рассматриваемое как *hostis humani generis*; *в-третьих*, тотальный и дискриминационный характер противостояния, исключающий двустороннее действие законов и обычаев войны; *в-четвертых*, обязанность всех государств участвовать в преодолении угрозы тоталитаризма и восстановлении демократических процедур; *в-пятых*, отсутствие обязанности принимать превентивные меры и восстанавливать экономическую и социальную сферу.

Генезис данного мифа начался сразу после окончания Первой мировой войны. Статья 227 Версальского договора предъявила германскому императору Вильгельму II «публичное обвинение в высшем оскорблении международной морали и священной силы договоров» и предусмотрела его предание специальному суду. Это положение было подвергнуто критике как несовместимое с принципами *justus hostes, par in parem non habet jurisdictionem* и *nulla poena sine lege*; Нидерланды, где Вильгельм II получил убежище, отказались его выдавать³. После следующей войны победители вернулись к идее индивидуальной ответственности и организовали два международных уголовных процесса – Нюрнбергский и Токийский, которым была придана исключительная торжественность. Решение Нюрнбергского трибунала в части обоснования этой ответственности выглядит довольно неубедительным (особенно в свете тяжести предъявленных обвинений); за ним, тем не менее, был признан характер сакрального прецедента⁴.

Международные уголовные процессы долгое время считались чрезвычайной мерой, оправданной масштабами Второй мировой войны, и лишь в начале 1990-х гг. государства стали организовывать их на регулярной основе для рассмотрения не толь-

¹ С. Жижек, критикуя Ю. Хабермаса, замечает, что «фашистские режимы для него являются случайным отступлением (задержкой, регрессом), которое не затрагивает основную логику модернизации» (Жижек С. 13 опытов о Ленине. М., 2003. С. 182).

² Т. Адорно заявил: «Писать стихи после Освенцима – варварство» (Адорно Т. Критика культуры и общество (1951) // Артгид. 2018. 6 июня. URL: <http://artguide.com/posts/1519>).

³ К. Шмитт отмечает, что ст. 227 «заслужила дурную славу слишком персонифицированной, чрезвычайной правовой нормы»; в связи с этим «эта первая попытка превратить агрессивную европейскую войну в международно-правовое преступление не оказала сколь-нибудь серьезного влияния на правосознание европейских народов и правительств»; в то же время она была поддержана общественным мнением в США (Шмитт К. Номос Земли в праве народов *jus publicum europaeum*. СПб., 2008. С. 361–401).

⁴ Вначале Трибунал говорит о «несомненном праве» победителей «осуществлять законодательные функции для оккупированных территорий», которое «признано всем цивилизованным миром». Далее он отвергает принцип *nulla poena*, ссылаясь на нарушения ряда договоров (ни один из которых не предусматривает ответственности физических лиц), упоминает Пакт Бриана – Келлога и заявляет, что «торжественный отказ от войны... с необходимостью предполагает... что те, кто планирует такую войну... совершают преступление». По его мнению, задача Пакта состоит в том, чтобы закрепить принципы, а не урегулировать процедуру; «те, кто ведет агрессивные войны, совершают действия, которые являются столь же незаконными и гораздо более серьезными, чем простое нарушение одного из правил Гаагской конвенции». Далее он заявляет, что «уже давно признано, что международное право налагает долг обязанности на отдельных лиц так же, как и на государства», и ссылается на дело *Ex parte Quirin*, рассмотренное Верховным судом США, и ст. 228 Версальского договора (Нюрнбергский процесс: сб. материалов: в 2 т. / под ред. К. П. Горшенина и др. М., 1954. Т. 2. С. 985–993).

ко международных, но и внутренних конфликтов, каждый раз сталкиваясь с обвинениями в предвзятости и пренебрежении стандартами правосудия. Общее право, подробно описывающее составы международных преступлений, вплоть до недавнего времени не определяло агрессию как уголовное преступление: Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 3314 «Определение агрессии» 1974 г. касается действий государств, а не индивидов; статуты же современных трибуналов в основном нацелены на криминализацию действий, совершенных в ходе конфликта (в отличие от Устава Нюрнбергского трибунала). Только в 2010 г. данный пробел был восполнен: Конференция по обзору Статута Международного уголовного суда закрепила определение агрессии в ст. 8-бис, завершив, таким образом, нормативное оформление мифа¹.

Миф о войне опирается не только на институт индивидуальной ответственности, но и на три более общие меры. *Первая* состоит в системной мифологизации культурного дискурса средствами массовой информации и кинематографом, создавшими гигантский эпос, который апеллирует к первобытному чувству ужаса. *Вторая* заключается в обновлении старых мифов, создающем впечатление, что причиной войны стали не эти мифы, а дефицит или дефект их применения. *Третья* предполагает создание теории тоталитаризма, в рамках которой его иррациональность доказывается научными методами. Речь идет о работах Ф. А. фон Хайека (тоталитаризм как государственный контроль экономики и плановая организация общества), К. Поппера (фашизм как деятельность «закрытого» общества), Э. Джентиле (фашизм как сакрализация политики), Р. Гриффина (фашизм как палингенетический ультра национализм), К. Фридриха и Э. Бжезинского (шесть признаков тоталитарного общества: одна идеология, однопартийность, использование террора и др.), У. Эко (14 признаков фашизма: традиционализм, неприятие модернизма, культ действия и др.)².

Миф о войне оказался крайне эффективным и со временем стал использоваться для преследования не только государств, но и частных лиц, ведущих вооруженную борьбу или посягающих на защищаемые международным правом ценности (например, свободу торговли). Как и руководители государств, эти лица определяются как *hostis humani generis*; их сопротивление – как проявление врожденной агрессивности; их преследование – как болезненное, но необходимое хирургическое вмешательство. В результате миф о войне изменил характер международного уголовного права, которое до недавнего времени ограничивалось вопросами юрисдикции и выдачи, а сегодня считает своей главной задачей организацию борьбы с международными преступлениями³. Для решения этой задачи государства принимают обязательства по криминализации, создают международные суды и проводят антитеррористические операции, сравнимые с полноценными военными кампаниями (о чем косвенно свидетельствует сам термин «война с терроризмом»).

Важную роль в переносе мифа о войне в плоскость уголовного права сыграл Израиль, остро нуждавшийся в идеологической платформе для оправдания своего существования, крайне уязвимого в свете принципа самоопределения, и борьбы с палестинским сопротивлением на оккупированных территориях. Миф о войне, таким образом, стал главным источником международной легитимности Израиля и одним из важных источников его внутренней легитимности⁴. Позднее, в конце XX в., данный

¹ Эволюцию состава данного преступления и комментарии к ст. 8-бис см.: Марусин И. С. Определение агрессии в Статуте Международного уголовного суда и Уставе Нюрнбергского трибунала // Правоведение. 2013. № 4. С. 112–120.

² Хайек Ф. А. фон. Указ. соч.; Поппер К. Открытое общество и его враги: в 2 т. М., 1992; Джентиле Э. Фашизм, тоталитаризм и политическая религия: определения и критические размышления над критицизмом интерпретации // Гефтер. 2013. 13 нояб. URL: <http://gefeter.ru/archive/10519>; Griffin R. The Nature of Fascism. N. Y., 1991; Friedrich C. J., Brzeziński Z. K. Totalitarian Dictatorship and Autocracy. 2nd ed. N. Y., 1965; Эко У. Вечный фашизм // Эко У. Пять эссе на темы этики. СПб., 2005.

³ М. Бассиуни определяет международное уголовное право как «продукт конвергенции двух различных дисциплин: уголовных аспектов международного права и международных аспектов национального уголовного права» (Bassiouni M. C. The Penal Characteristics of Conventional International Criminal Law // Case Western Reserve Journal of International Law. 1983. Vol. 15. No. 1. P. 27).

⁴ По мнению Э. Йардена, арабы отрицают международное право, основанное на отношениях равенства, и признают легитимным только централизованный халифат. Израиль является единственной демократией в регионе; его присутствие – важная гарантия мира (Jarden E. The Israeli-Palestinian conflict in international law // Israel and a Palestinian State: Zero Sum Game? / ed. by A. Stav. Sha'arei Tikva, 2001. P. 132–146).

миф стал регулярным инструментом внешней политики США, которые использовали его для обоснования вторжения в Гренаду, Панаму, Югославию, Афганистан, Ирак, Сирию и общей дестабилизации Ближнего Востока. Его также взяли на вооружение правительства, ведущие борьбу с повстанцами; последние стали квалифицироваться не как оппозиционеры, а как преступники-террористы (Югославия, Чечня, Украина и др.). Принцип самоопределения, таким образом, был фактически отменен, а международное право – отброшено далеко назад, в эпоху Б. Айалы.

Помимо либерального, существуют иные объяснения войны. По мнению *консерваторов* (Х. Арендт и Г. Рормозер), война является результатом сбоя в политическом, который возникает после подрыва традиционных ценностей под влиянием либеральных идей и проявляется в разрушении внутренней иерархии общества и формировании массовых движений изолированных индивидов, стремящихся реализовать подавленное капитализмом стремление к признанию и политической жизни¹. Ф. Нитти считает главной причиной войны национальное унижение², Ю. Эвола – кризис идеи государства³. По мнению *марксистов*, неравномерность экономического развития при капитализме приводит к тому, что новое соотношение сил не соответствует сферам влияния; война – способ перераспределения этих сфер; другой причиной является стремление капитализма устранить систему социализма⁴; фашизм определяется как «особая форма классового господства буржуазии»⁵. *Неомарксизм* подчеркивает культурологические и технологические факторы; так, по мнению В. Беньямина, война является мятежом техники, предъявляющей требования, для реализации которых общество не дает естественного материала⁶.

Таким образом, и консерваторы, и марксисты видят главную причину войны в действии либеральных мифов: при этом консерваторы возлагают ответственность на мифы первого поколения, отчуждающие человека от политики и коллектива, а марксисты – на мифы второго поколения, провоцирующие неравенство и борьбу за рынки. Свободное обсуждение этих альтернативных объяснений, однако, исключено: действие либерального мифа о войне является почти тотальным⁷; иррациональность, к которой он апеллирует, является легким и быстрым способом преодоления всего того ужаса и стыда, которые вызывает война⁸; а признание его несостоятельности означало бы полную дискредитацию охраняемых им мифов. Результатом такого дискурсивного исключения является вывод о практической неприменимости консерватизма и марксизма, который в свою очередь работает как косвенное, но непреодолимое доказательство их общей теоретической несостоятельности. Миф о войне в этом смысле одинаково эффективен и в защите, и в нападении.

¹ Арендт Х. Истоки тоталитаризма. М., 1996; Рормозер Г. Кризис либерализма. М., 1996.

² Нитти Ф. Европа без мира. Пг., 1923.

³ Эвола Ю. Фашизм: критика справа. М., 2005.

⁴ История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг.: в 6 т. М., 1960. Т. 1: Подготовка и развязывание войны империалистическими державами. С. XVI–XVII; Троцкий Л. Д. Бонапартизм, фашизм и война // Бюллетень оппозиции (большевиков-ленинцев). 1940. № 84. URL: https://1917.com/Marxism/Trotsky/VO/VO_No_84/VO-0712.html. В. Ю. Катасонов делает акцент на подрывной роли финансового капитала (Катасонов В. Ю. Капитализм. История и идеология «денежной цивилизации». М., 2013).

⁵ XIII Пленум Исполнительного комитета Коммунистического Интернационала. Стенографический отчет. М., 1934. С. 589.

⁶ Беньямин В. Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости: избр. эссе / пер. с нем., под ред. Ю. А. Здороваго. М., 1996. URL: <http://forlit.philol.msu.ru/lib-ru/benjamin1-ru>. См. также: Мандель Э. О материальных, социальных и идеологических предпосылках нацистского геноцида // Red Flora. 2012. 9 мая. URL: <http://www.redflora.org>.

⁷ Ж. Бодрийяр пишет по поводу Холокоста: «Эти вещи не были поняты в те времена, когда мы имели для этого возможность. Отныне они уже не будут поняты никогда. Не будут поняты потому, что такие основные понятия, как ответственность, объективная причина, смысл (или бессмыслица) истории, исчезли или находятся в процессе исчезновения» (Бодрийяр Ж. Прозрачность зла. М., 2000. С. 135).

⁸ Т. Адорно по поводу императива, требующего неповторения войны, пишет следующее: «Обсуждать его дискурсивно – кощунство; в этом императиве чувствуется живую момент того, что дополняет (*Hinzutretende*) нравственное. Вживую, потому что перед нами не что иное как ставшее практикой отвращение, которое испытываешь, наблюдая невыносимую физическую боль; отвращение переживают индивиды, а затем и сама индивидуальность, которая стремится исчезнуть как форма рефлексии» (Адорно Т. Негативная диалектика. М., 2011. С. 326).

Деструктивное воздействие мифа о войне проявляется в следующем.

Во-первых, он генерирует избирательный и репрессивный дискурс, возлагающий ответственность на конкретных лиц, *вовлеченных* в социальные катастрофы, и игнорирующий подлинные причины данных катастроф.

Во-вторых, его апелляция к субъективному и иррациональному противоречит претензиям западной науки на объективность, а его осуждение некоторых форм вооруженной борьбы – принципу невмешательства во внутренние дела. Он также не дает убедительного ответа на некоторые частные вопросы, например о вине государственных служащих, реализующих конституционные функции или исполняющих приказы (субъективное здесь дополняется очевидным объективным).

В-третьих, он изменяет природу войны, превращая ее из поединка в преследование; результатами являются разрастание конфликта, системные нарушения и безнаказанность действительного и изначального зла, проводниками которого часто выступают сверхдержавы, международные организации и крупный капитал¹.

В-четвертых, он служит эффективным инструментом вмешательства, уничтожения политических противников, хаотизации целых регионов и одновременно легитимации утративших доверие правительств.

В-пятых, он фиксирует в сознании и переносит на реальность модель порядка, предполагающую постоянные конфликты и постоянную борьбу с нарушителями, *ожесточающуюся по мере приближения всеобщего счастья*; в результате все иные модели, основанные на гармонии и взаимоуважении, оказываются недоступными².

В-шестых, он не только защищает, но и дополняет старые мифы, интегрируя в международное право институт уголовной ответственности и укрепляя тем самым внутреннюю аналогию. Данный перенос, однако, имеет и обратный эффект (подрыв мифологической структуры): миф о войне смешивает *jus in bello* и *jus ad bellum*, блокирует развитие норм об ответственности самих государств и дискредитирует некоторые традиционные институты, такие как суверенный иммунитет.

Четвертый уровень: неолиберальные мифы. Ядро неолиберализма образует миф об общем суверене, создающем и поддерживающем международный порядок. Этот миф существовал уже на раннем этапе развития международного права, но тогда он был не более чем фикцией, которая опиралась на организации, суды и процедуры, не создававшие серьезного противовеса суверенитету, и позволяла решать некоторые трудные вопросы (об обязательности договора, обязанности признания, возможности вмешательства и пр.). В конце XX в. общий суверен перестает быть фикцией и становится реальным и зримым. Он обособляется от государств институционально, приобретает финансовую самостоятельность, окружает себя сословием международных служащих; приобретает законодательные, судебные и принудительные полномочия. При этом он по-прежнему не оформляется как отдельный субъект, проявляя себя через многоуровневый конгломерат правительственных и неправительственных институтов, напоминающий феодальную структуру.

Утверждение общего суверена сопровождается прогрессирующим ослаблением внутреннего суверена, которое проявляется в наделении международных институтов наднациональной компетенцией и формировании общего права, связывающего государства независимо от их согласия. Эти реформы *per se*, однако, не противоречат идее суверенитета: ограничивая свободу государства в международных отношениях, они не затрагивают верховенство его внутренней власти. Более важной в связи с этим является передача международным институтам полномочий в тех сферах, которые тра-

¹ Ф. Аллот пишет: «Причины и последствия социального зла остаются... но наше моральное оскорбление затемняется шарадой судебного возмещения. Наиболее болезненная ирония состоит в том, что введение международной уголовной юстиции в международное сообщество имеет в качестве побочного эффекта легитимацию социального зла, которое она не осуждает» (*Allott P. Op. cit. P. 67–68*).

² Этот подход близок сталинской версии марксизма, согласно которой классовая борьба обостряется по мере развития социализма и преследует ту же цель – создание гигантской репрессивной машины: «Социализм успешно наступает на капиталистические элементы, социализм растет быстрее капиталистических элементов, удельный вес капиталистических элементов ввиду этого падает, и именно потому, что удельный вес капиталистических элементов падает, капиталистические элементы чуют смертельную опасность и усиливают свое сопротивление» (*Сталин И. В. О правом уклоне в ВКП(б): речь на пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) в апреле 1929 г. // Вопросы ленинизма. Л., 1952. С. 245–271*).

диционно относились к внутренней компетенции: безопасности, экономики, прав человека и др. В результате общий и внутренний суверены меняются местами: первый становится реальным субъектом, а второй – декоративным институтом, деятельность которого регулируется *извне*. Благодаря перцептивной инерции последний выглядит почти столь же грозно, как и прежде; на правовом и управленческом уровне он, однако, почти полностью подавлен.

Смена суверенов позиционируется как историческая закономерность, обусловленная социальным и технологическим прогрессом, а также глобальными проблемами. Обосновывающие ее концепции делятся на три группы. *Первая* включает дискредитирующий государство миф о войне: общий суверен рассматривается как *не подверженный пороку тоталитаризма* и заботящийся обо всех людях. Во *вторую* входят концепции, доказывающие *эффективность* общего суверена. Концепция *governance* подчеркивает преимущества децентрализованного управления, осуществляемого путем агрегации индивидуальных решений (а не директивно)¹; концепция *функционализма* утверждает, что, в отличие от политиков, реализующих личные амбиции, технические специалисты, работающие в международных организациях, преданы общему благу². К *третьей* относятся концепции, доказывающие *легитимность* общего суверена: речь идет о либеральных идеях, спроецированных на международный порядок: прав человека, демократии, конституционализма, законности, разделения властей.

Неолиберализм не исчерпывается институциональным мифом, но также включает *новые регулятивные мифы*, апеллирующие к воле общего суверена и общему интересу. *Идея общего (универсального) права* подчеркивает роль источников, связывающих государства независимо от их согласия; к их числу относятся нормы *jus cogens*, обычаи, общие принципы и судебная практика³. *Запрет применения силы* оперирует понятием угрозы международному миру и безопасности и требует коллективной реакции на нее. *Идея устойчивого развития* устанавливает связь между экономическим развитием, социальным развитием и охраной природы, запрещая пренебрегать одной из этих ценностей. *Идея общего наследия* предполагает совместное управление общими ресурсами. *Идея монетаризма* признает главным средством оздоровления экономики ограничение эмиссии и государственных расходов. Неолиберальная мифология также модернизирует старые мифы – о мирном разрешении споров, свободе торговли и пр., делая их более императивными и привязанными к общему интересу.

Генезис неолиберальных мифов характеризуется рядом особенностей. *Во-первых*, в нем участвуют различные субъекты: государства, международные институты, представители доктрины, корпорации. *Во-вторых*, он предполагает *непрерывный и интенсивный поток* разнообразных текстов, которые, с одной стороны, делают *невозможным* точное восприятие и серьезную критику мифов, а с другой – облегчают их применение для решения конкретных задач. *В-третьих*, он подразумевает формирование единого профессионального дискурса и группы контролирующих его людей. *В-четвертых*, он

¹ Rosenau J. N. Governance, order, and change in world politics // Governance without government: order and change in world politics / ed. by J. N. Rosenau, E.-O. Czempiel. Cambridge, 1992. P. 1–29.

² Mitrany D. The Functional Approach to World Organization // International Affairs (Royal Institute of International Affairs 1944). 1948. Vol. 24. № 3. P. 350–363; Haas E. B. Beyond the Nation-state: Functionalism and International Organization. Stanford, 1964. Э. Хаас пишет: «Счастливое состояние приближается, если максимум власти осуществляется техническими специалистами и администраторами, преданными общему благу и работающими в тесном контакте с добровольческими профессиональными группами, которые являются частью любого индустриального общества... Дисгармония и конфликт преобладают в обществе, в котором власть осуществляется политиками, а не техническими специалистами, парламентами, а не добровольческими группами. В этом случае политика определяется властью, а не общим благом, результатом чего является иррациональное поведение... Политика представляет собой стремление к власти с элементами остаточного инфантильного поведения...» (Haas E. B. Op. cit. P. 30).

³ В особом мнении к Консультативному заключению Международного суда ООН от 25 февраля 2019 г. по делу о правовых последствиях отделения архипелага Чагос от Маврикия в 1965 г. судья Кансадо Триндаде (Cançado Trindade) заявил: «Позиция международного суда может быть только *принципистской (principiste)*, т. е. не предполагающей недолжных уступок государственному волюнтаризму. Правовой позитивизм напрасно стремился преуменьшить значение общих принципов права – истина состоит в том, что без этих принципов не было бы правовой системы. Эти принципы выражают идею объективной справедливости, прокладывая дорогу для применения универсального международного права, нового *jus gentium* нашего времени» (пар. 290).

предполагает широкое использование художественных средств: символов, фотографий, телерепортажей и пр. В-пятых, он сопровождается перманентной дискуссией о целесообразности мифов, их совместимости со старыми мифами, отдельных аспектах их применения и пр., которая легитимирует новые мифы, представляя их как результат свободного обмена мнениями, но не способствует установлению истины, а наоборот, отвлекает от нее¹.

Бенефициаром неолиберальных мифов является транснациональная буржуазия – новый правящий класс, состоящий из собственников транснационального капитала, национальных и международных политических кругов, а также влиятельных интеллектуалов². В отличие от классической буржуазии, этот класс не входит в национальные сообщества, но представляет собой отдельное сообщество, которое генерирует собственную космополитическую культуру; стремится не только к преумножению богатства и власти, но и к глобальному переустройству мира; опирается в основном не на прямое принуждение, а на информационные манипуляции; функционирует в закрытом режиме, используя средства массовой информации как инструмент пропаганды и отвлечения. В силу последней особенности его точный состав, идеология и действительные намерения остаются по большей части неизвестными; тем более тотальной и довлеющей является его власть и тем более бессмысленным и обреченным выглядит сопротивление³.

Идея всеобщего договора извращает и без того уязвимую модель Т. Гоббса: делегирование всем населением планеты своих прав рыхлому конгломерату институтов невозможно по определению. Субстанциальное обоснование неолиберализма также неубедительно. Права человека являются европейской концепцией, а их содержание определяется ситуацией в конкретной стране; в связи с этим они не могут работать как общий стандарт и обеспечивать системный результат. Идея *governance* и функционализм игнорируют сам принцип организации власти в Новое время (дихотомию государства и общества), в силу которого *любой* субъект власти оторван от общего блага и преследует личные интересы. Принцип демократии не учитывает, что большинство стран не являются демократиями, предлагает довериться нерепрезентативным институтам⁴ и, самое главное, называет демократией то, что ей не является, – ритуальные голосования за кандидатов с похожими программами. Идея конституционализма испытывает дефицит логических оснований и часто выступает инструментом узурпации власти⁵. Идея разделения властей не обеспечивает плюрализма мнений и сдержек в условиях, когда все институты обслуживают интересы одного класса.

Логические противоречия свойственны и регулятивным мифам. Манипуляции теориями гуманитарной интервенции, превентивной самообороны, ответственности за защиту и несостоявшегося государства (*failed state*) позволяют превратить запрет при-

¹ По словам Ф. Аллота, «политика... деградировала в утративший ценность спор в рамках узких диалектических границ, направленный, в частности, на манипулирование общественным мнением» (*Allott P. Op. cit. P. 310–315*).

² Б. Чимни пишет: «Возникающий транснациональный капиталистический класс состоит из собственников транснационального капитала, т. е. группы, которая владеет средствами производства, сосредоточенными главным образом в транснациональных корпорациях и частных финансовых институтах. Он стремится установить законы и институты, которые обеспечивают глобализацию производства и финансов через интернационализацию прав собственности и ограничение автономии зависимых и подчиненных государств» (*Chimni B. S. Op. cit. P. 61–62*).

³ Как отмечает К. Шмитт, «тайная дипломатия публичных властителей является безобидной игрой по сравнению с публичной дипломатией, которую ведут тайные властители через своих агентов» (*Шмитт К. Государство и политическая форма. М., 2010. С. 56*).

⁴ А. Пелле пишет, что на международном уровне концепт демократии не имеет смысла, поскольку Китаю принадлежит 1 млрд голосов, а Науру – всего 8 тыс. и поскольку государства нельзя заставить быть демократическими против их воли. Фактически он является фикцией, так как легитимность институтов, которых он наделяет властью, является самопровозглашенной (*Pelle A. Legitimacy of Legislative and Executive Actions of International Institutions // Legitimacy in International Law / ed. by R. Wolfrum, V. Roeben. Berlin, 2008. P. 66–67*).

⁵ Критика, сформулированная И. Бентамом в отношении Французской декларации прав 1789 г., применима к любой конституции: «Философия! Вот твой первый шаг. Отречься от использования разума! Создать символ! Установить максимы без аргумента, точки веры без дискуссии! Дайте нам то, в чем мы отказываем всему миру. Сделайте нас непогрешимыми, а мы вам потом докажем, что мы не ошибались» (*Bentham J. Sophismes anarchiques // Oeuvres de J. Bentham. Bruxelles, 1840. P. 507–526*).

менения силы в свою противоположность, новую *justa causa*, использовать которую могут только западные страны, присвоившие себе статус *justum hostis* и право определять своих противников как изгоев (*rogue states*)¹. Идея общего права игнорирует то, что технологии нормотворчества монополизированы отдельными государствами; идея устойчивого развития – то, что экономический рост является главной угрозой для окружающей среды (исключая тем самым возможность разработки и принятия обязательств по его ограничению)²; идея общего наследия – неравенство производственных возможностей; идея монетаризма – то, что ограничение государственных расходов может приводить к коллапсу национальной экономики, росту социальной напряженности и захвату внутреннего рынка иностранным капиталом.

Главной целью неолиберализма являются глобальное политическое переустройство и концентрация власти в руках нового правящего класса, опирающегося на западные державы, но институционально и идеологически обособленного от них. Этот процесс осуществляется по нескольким направлениям.

Политическое направление предполагает уничтожение национального государства, стигматизацию любой объединительной повестки и формирование международных институтов управления. Ординарным средством достижения этого результата является *межгосударственная интеграция*; экстраординарным – *внешнее вмешательство*, призванное продемонстрировать преимущества неолиберализма и подавить сопротивление. Новый механизм управления предстает в образе многополюсной структуры, функционирующей в соответствии с принципами демократии (политического рынка). В реальности, однако, речь идет о жесткой вертикально-интегрированной структуре, использующей все население земного шара как разновидность *ресурса*.

Экономическое направление предполагает формирование глобального рынка, характерными признаками которого являются свобода движения товаров, услуг, капиталов и рабочей силы; экономическая специализация стран и регионов; отказ от протекционизма и государственного предпринимательства, а также активная роль банков как главных регуляторов экономических процессов. Этот процесс осуществляется в отсутствие эффективного компенсационного перераспределения и публичного контроля, в связи с чем его неизбежными результатами являются концентрация ресурсов в руках мировой олигархии, экономическое расслоение, усиливающееся воздействие на окружающую среду, периодически возникающие кризисы и социальные катастрофы (войны, голод, миграции и пр.). По мере его развития другие, более гуманные и гармоничные экономические модели оказываются все менее доступными.

Идеологическое направление предполагает распространение прав человека и принятие их как единственного мерила международной политики; в этом состоит важное отличие неолиберализма от либерализма, который оставлял вопросы защиты прав на откуп государствам, заботясь в первую очередь о безопасности межгосударственных отношений. Права первого поколения реализуют лишь один аспект человеческой природы – стремление к выбору; будучи основой всех обязательств перед человеком, они не вносят сколько-нибудь серьезного вклада в обеспечение его подлинного благополучия и одновременно исключают использование иных, более эффективных средств. Права второго и третьего поколений, призванные предоставить реальные блага, являются не более чем декларациями – их реализация целиком зависит от усмотрения отдельного государства³. В итоге действительная роль прав человека сводится к тому, чтобы легитимизировать несправедливый порядок и служить поводом для вмешательства во внутренние дела слабых государств⁴.

¹ О. Кортен обосновывает право западных демократий определять развитие обычного права в данной области тем, что они способны воплощать гуманистические ценности в праве и обладают властью для обеспечения уважения к этим ценностям (Corten O. The controversies over the customary prohibition on the use of force: a methodological debate // European Journal of International Law. 2005. Vol. 16. No. 5. P. 811).

² Paiva Duarte F. de. Environmental and Development Debate: Paradoxes, Polemics and Panaceas // Griffith Law Review. 1999. Vol. 8. P. 258; Mathias J.-C. Politique de Cassandre – Manifeste républicain pour une écologie radical. Sang de la Terre, 2009.

³ А. Лапаж называет права второго и третьего поколения «ложными»: устанавливая похвальные цели, они не относятся к праву (Lepage H. «Vrais» ou «faux» droits de l'Homme // Euro 92 Analyses. 1998. N° 3. P. 1–3).

⁴ Д. Кеннеди отмечает, что права человека часто являлись «риторикой центра, направленной против периферии, скорее проводником для империи, чем антидотом против империи» (Kennedy D. Reassessing

Экзистенциальное направление предполагает максимальное отчуждение человека от политики, коллектива, труда, собственной природы и его сосредоточение на сфере частной жизни, определяемой как идеальное поле для раскрытия индивидуальности. Это обещание – заведомый обман: данная сфера не защищает человека от принуждения, но, наоборот, *открывает* его экономическим и информационным манипуляциям, обеспечивающим тотальное, дискретное и максимально эффективное принуждение¹. В результате человек утрачивает способность сопротивляться и попадает в абсолютную зависимость, находясь в которой, он не только *эксплуатируется*, но и подвергается планомерному *селекционному воздействию*, превращающему его в иное, гораздо более ограниченное (несвободное) в своем духе и своих поступках существо. Неолиберальные мифы, таким образом, завершают мифологическую структуру, основанную на мифе о воле, и вследствие этого максимизируют ее деструктивное воздействие.

Уровень пятый: миф о технологиях. Правовая доктрина еще оперирует мифом о воле и пытается его модернизировать. В реальности же происходит неуклонная деградация *воли*, спровоцированная самим либерализмом. Отсюда – неубедительность доктрины, вынужденной обсуждать вопрос о демократии в условиях запрета ряда идеологий, вопрос о правах в условиях прогрессирующей бедности, вопрос о суверенитете в условиях тотального отчуждения. Политическая система пытается скрыть это расхождение с реальностью, которое, однако, с каждым днем все очевидней. Миф о воле умирает, и на его место должна прийти новая мифология. Она едва ли станет возвращением к старым мифам: прошлое нельзя вернуть намеренно, так как стимулы для него давно исчезли; любой реформаторский консерватизм способен лишь на временную имитацию². Новая мифология в связи с этим будет состоять в полном *отрицании воли* и подчеркивании иного аспекта бытия. Данный аспект состоит в усиливающемся взаимодействии человека с технологиями.

Можно выделить следующие подходы к определению техники³:

1. Антропологические (техника как способ воздействия на мир). О. Шпенглер рассматривает технику как средство борьбы за выживание; человек, будучи хищником, с ее помощью делает мир своей добычей и пытается сравниться с Богом; его техника не зависит от жизни вида и является личностной; основная проблема – утрата над ней контроля⁴. Л. Мэмфорд связывает появление техники с «необычной лабильностью и пластичностью» человеческого тела и языком (речью); в ходе истории жизнеориентированную технику вытеснили «коллективные машины» (механистически организованные общества), служащие увеличению власти и богатства; техника должна быть перенаправлена на восстановление гармонии⁵. По мнению Х. Ортеги-и-Гассета, техника является реакцией человека на природу (сверхприродой), ее цель – ликвидировать природные потребности, сделать так, чтобы их удовлетворение не составляло труда⁶.

2. Онтологические (техника как способ бытия мира). М. Хайдеггер определяет технику как «вид раскрытия потаенности» природы, направленный на добычу запасов энергии (*постав*) и исключаящий иные способы раскрытия; человек втягивается

International Humanitarianism: The Dark Sides // International Law and its Others / ed. by A. Orford. Oxford, 2006. P. 133). По словам А. Карти, «язык прав человека является последней формой лишения власти, которую Запад использует против своих жертв» (Carty A. Philosophy of International Law. Edinburgh, 2007. P. 194–195).

¹ Сам термин «частная жизнь» становится оксюмороном, так как отныне означает не область, в которой человек обладает абсолютной свободой и защищенностью, но, наоборот, область, в которой он максимально несвободен.

² Положительный эффект такого возвращения тоже миф, поскольку предыдущее более здоровое состояние часто обусловлено не одновременной ему мифологией, а тем, что ее разрушительный эффект еще не был проявлен в полном объеме.

³ См. также: Стародубцева Е. П. К вопросу о сущности техники: типология философских подходов // Эпистемы: сб. науч. ст. Екатеринбург, 2013. Вып. 8: Проблемы современной онтологии. С. 99–112.

⁴ Шпенглер О. Человек и техника // Культурология. XX век. Антология / под ред. С. Я. Левита. М., 1995. С. 454–492.

⁵ Мэмфорд Л. Техника и природа человека // Новая технократическая волна на Западе: сб. ст. М., 1986. С. 225–239.

⁶ Ортега-и-Гассет Х. Размышления о технике // Ортега-и-Гассет Х. Избранные труды. М., 1997. С. 164–232.

в нее и отказывается от своей свободной сущности; он может спастись через искусство¹. К. Ясперс определяет технику как действия, направленные на господство над природой посредством самой природы; ее цель – снять с человека бремя нужды; она меняет не только природу, но и человека, который может «задохнуться в своей второй природе»². По мнению Ж. Эллюля, техника стала средой человека («коконом без просвета»), она делает все возможным и поэтому становится абсолютной необходимостью, в итоге человек оказывается детерминированным и безнадежным³.

3. Политические (техника как способ организации порядка). По мнению Г. Маркузе, техника, будучи формой производства, определяет границы культуры: техническая рациональность становится политической рациональностью; техника снимает протест во имя свободы от тяжелого труда и устанавливает новые формы контроля; массовое производство порождает человека массы⁴.

Миф о технологиях продолжает и одновременно отрицает миф о воле. *Во-первых*, он доводит до предела идею богоподобия: человек отныне претендует не только на вездесущность, но и на овладение творческими возможностями Бога, т. е. на бого-равенство. *Во-вторых*, он изменяет перспективу достоинства, определяя в качестве приоритетной формы самореализации взаимодействие с техникой; социальные и политические формы при этом отодвигаются на второй план. *В-третьих*, он апеллирует не только к безопасности, но также к комфорту, развлечениям и новым способностям, иногда придавая им большее значение. *В-четвертых*, он исключает идею индивидуальной воли и основанного на ней договора, предлагая довериться новой природе, созданной в результате действия воли (технологиям), и коммерсантам, ее распространяющим. Он, таким образом, не выходит за пределы глобального нарратива.

Развитие мифа о технологиях проходит в два этапа. На *первом* он не вступает в открытый конфликт с либерализмом, а сосуществует с ним во взаимовыгодном симбиозе. Либерализм использует технологии как доказательство превосходства капиталистического строя, а также объективности и эффективности демократических процедур. Массовое распространение технологий в свою очередь становится возможным благодаря центральной установке либерализма – установке на самореализацию (индивидуализацию). Противоречия между либерализмом и технологиями, однако, заметны уже на этом этапе: в отдельных случаях технологии стремятся перехватить власть и аннулировать решения, принятые без их участия⁵, во многих случаях они не выполняют связанных с ними ожиданий самореализации. До определенного момента эти противоречия сглаживаются и преодолеваются, а статус-кво сохраняется. Политический потенциал технологий, однако, неуклонно растет, в то время как потенциал либерализма, наоборот, неуклонно ослабевает.

Переход ко второму этапу в связи с этим неизбежен: рано или поздно технологии откажутся от ставшего обременительным союза и установят тотальное господство⁶. С момента их появления прошло всего несколько десятков лет, и может показаться, что у человечества еще есть время преодолеть сокрытую в них угрозу. Технологии, однако, отрицают саму категорию исторического времени: инициированная ими революция может произойти скоро и быть одномоментной. Речь идет не об учреждении новой формы социальной власти, но об отмене этого института (любая власть предпо-

¹ Хайдеггер М. Вопрос о технике // Хайдеггер М. Время и бытие. М., 1993. С. 221–238.

² Ясперс К. Современная техника // Новая технократическая волна на Западе. С. 119–146.

³ Эллюль Ж. Другая революция // Новая технократическая волна на Западе. С. 147–152; *Его же*. Технологический блеф // Это человек: антология философских работ / сост. П. С. Гуревич. М., 1995. С. 265–294.

⁴ Маркузе Г. Одномерный человек. М., 1994.

⁵ Так, отсутствие западных телекомпаний или электронных систем подсчета голосов может быть квалифицировано как доказательство дефекта народного волеизъявления; примером может служить референдум в Крыму, проведенный в марте 2014 г. и вызвавший недоверие у ряда западных авторов (*Peters A. Sense and Nonsense of Territorial Referendums in Ukraine, and Why the 16 March Referendum in Crimea Does Not Justify Crimea's Alteration of Territorial Status under International Law // EJIL: Talk! 2014. 16 April. URL: <https://www.ejiltalk.org/sense-and-nonsense-of-territorial-referendums-in-ukraine-and-why-the-16-march-referendum-in-crimea-does-not-justify-crimeas-alteration-of-territorial-status-under-international-law>*).

⁶ История показывает, что любая уходящая сила пытается сохраниться за счет новой силы, но в итоге всегда уступает ей; примером может служить союз между абсолютной монархией и буржуазией, заключенный на закате феодализма.

лагают свободу, которую технологии полностью исключают) и трансформации человечества в систему, функционирующую нерелексивным образом – в соответствии с автоматически сгенерированными цифровыми алгоритмами. Некоторое время технологии будут имитировать социальную власть, создавая образ некоего командного центра; необходимость в этом исчезнет лишь тогда, когда способность человека к рефлексии (сознание) будет подавлена окончательно.

Действительным бенефициаром технологий, отрицающих деньги и социальную власть, не может быть капиталистический класс. Не могут им быть и люди, «владеющие» технологиями или вовлеченные в их обслуживание, – как и все остальные, они подчинены и могут действовать только в пределах алгоритмического пространства. Не исключено, что таким бенефициаром является некая независимая от технологий группа, использующая их в неведомых целях, или что подобная группа появится в будущем. Эта версия, однако, требует дополнительных доказательств. То же самое касается предположения о существовании некоего трансцендентного субъекта – равнодушного бога, стремящегося покарать человечество или извлечь энергию из его гибели. Еще один вариант состоит в определении истории как регресса: развитие технологий означает неизбежный конец истории, вызванный тем, что человечество не смогло найти состоятельный ответ на вопрос: «Что есть Человек?» и было вынуждено дать ответ, снимающий сам вопрос: «Человек есть ничто»¹.

Миф о технологиях не оформлен до конца. *Во-первых*, развитие технологий опережает не только политические отношения, опосредуемые либеральными мифами, но и производственные отношения, базирующиеся на *вещной* собственности. Либерализм использует технологии, но препятствует их концептуализации; современная философия не агитирует за них открыто, предпочитая скрытую апологетику, например, в форме призывов к принятию нового идеала свободы, основанной на колебании². *Во-вторых*, хотя технологии связаны с наукой, их действие является сверхъестественным, т. е. непостижимым во всей полноте: человек может знать математические формулы и физические законы, но он не способен соотнести свой телесный опыт с работой основанных на них технологий. Сверхъестественная реальность постигается через доказывание и откровение (самораскрытие). Доказывание – малоэффективный путь (электрический свет не обязательно подтверждает существование электричества); основным способом в связи с этим является откровение, осуществляемое через *схождение* Бога или пророка, а также через священные тексты. *Откровение технологий* как условие их концептуализации еще не состоялось.

Политическое применение технологий заключается в следующем. *Во-первых*, они образуют содержание общего блага: хорошей политикой считается та, которая обеспечивает взаимодействие с ними; прочие блага (демократия, права человека и т. д.) отодвигаются на второй план. *Во-вторых*, они влияют на политические процедуры, которые признаются отвечающими демократическим стандартам лишь при условии их использования (телетрансляции событий, видеонаблюдение, электронный подсчет голосов и т. п.). *В-третьих*, они преобразуют механизм принятия решений, делегируя соответствующее право искусственному интеллекту (электронное правительство и электронное правосудие). *В-четвертых*, они создают искусственный фактический контекст, определяющий характер реакции и содержание решений; речь идет о непосредственном управлении, *формирующем* волю³. *В-пятых*, они задают *modus* (способ) поведения, которое отныне должно осуществляться в такт с технологиями – быть точным, поэтапным и наглядным (алгоритмическим).

¹ Концепция истории как регресса поддерживается некоторыми религиями (буддизмом и индуизмом), а среди западных философов – Р. Геноном (*Генон Р. Царство количества и знаменья времени. М., 2010; Его же. Кризис современного мира. М., 2018*).

² *Ваттино Дж. Прозрачное общество. М., 2002. С. 18.*

³ Ж. Бодрийяр пишет: «Основная функция информации – введение в заблуждение. Не суть важно, о чем нас она „информирует“, не суть важно, насколько она „охватывает“ события, потому что главное сам охват: то, к чему она стремится, всеобщее согласие [consensus] в результате смерти мозга. Дополнением к безусловности симулякров на поля боя является приучение всех нас к безусловному восприятию симулякров в эфире. Нужно исключить всякую возможность понимания события. Результатом этого является душная атмосфера надувательства и отупения» (*Бодрийяр Ж. Дух терроризма. Войны в заливе не было. М., 2016. С. 70–71*).

Деструктивное влияние технологий состоит в следующем.

Во-первых, они монополизируют связь человека с реальностью и в результате полностью скрывают последнюю, предлагая взамен искусственную и фрагментарную картину. Доктрина, опирающаяся на эту картину, не способна к оздоровлению реальности и самой себя; утрачивая способность непосредственного восприятия реальности, она превращается в элемент технологий.

Во-вторых, они формируют собственный стандарт легитимности, вступающий в конфликт со стандартом, сформированным мифом о воле; в итоге квалификация таких политических событий, как выборы, вмешательство, нормотворчество и др., оказывается противоречивой.

В-третьих, они предполагают постепенный демонтаж всех социальных и правовых институтов и формирование системы, в которой человеку отведена роль технологического звена (узла), исключая социальную коммуникацию, рефлексию и волевое усилие. Речь идет уже не о разрушении порядка, оставляющем шансы на возрождение, а о его полном стирании.

В-четвертых, в условиях неравного доступа к технологиям они применяются как инструмент принуждения и господства, как физического, так и информационного.

В-пятых, используя идею богоравенства, они преобразуют человека в неодушевленную материю, т. е. осуществляют его онтологическое умерщвление. Этот процесс инициирован самим человеком и происходит с его согласия и при его поддержке; речь, таким образом, идет не о некоем враждебном воздействии (или не только о нем), но о раскрытии важнейшей природной склонности человека – к отпадению от бытия (небытию)¹.

В-шестых, они меняют сам принцип работы человеческого мозга, лишая человека способности противопоставлять себя реальности и включая его в нее на физическом и интеллектуальном уровнях; как результат, человек оказывается неспособным сформировать не только истинный, но и искаженный образ реальности.

Список литературы

XIII Пленум Исполнительного комитета Коммунистического Интернационала. Стенографический отчет. М., 1934.

Адорно Т. Критика культуры и общество (1951) // Артгид. 2018. 6 июня. URL: <http://artguide.com/posts/1519>.

Адорно Т. Негативная диалектика. М., 2011.

Арендт Х. Истоки тоталитаризма. М., 1996.

Беньямин В. Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости: избр. эссе / пер. с нем., под ред. Ю. А. Здороваго. М., 1996. URL: <http://forlit.philol.msu.ru/lib-ru/benjamin1-ru>.

Бодрийяр Ж. Дух терроризма. Войны в заливе не было. М., 2016.

Бодрийяр Ж. Прозрачность зла. М., 2000.

Ваттимо Дж. Прозрачное общество. М., 2002.

Генон Р. Кризис современного мира. М., 2018.

Генон Р. Царство количества и знамения времени. М., 2010.

Джентиле Э. Фашизм, тоталитаризм и политическая религия: определения и критические размышления над критицизмом интерпретации // Гефтер. 2013. 13 нояб. URL: <http://gefeter.ru/archive/10519>.

Жижек С. 13 опытов о Ленине. М., 2003.

История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг.: в 6 т. М., 1960. Т. 1: Подготовка и развязывание войны империалистическими державами.

Йонас Г. Гностицизм. СПб., 1998.

Кант И. Метафизика нравов в двух частях // Кант И. Сочинения: в 6 т. М., 1965. Т. 4. Ч. 2.

Катасонов В. Ю. Капитализм. История и идеология «денежной цивилизации». М., 2013.

Мандель Э. О материальных, социальных и идеологических предпосылках нацистского геноцида // Red Flora. 2012. 9 мая. URL: <http://www.redflora.org>.

¹ Гностицистские учения объясняют сотворение мира завистью тщеславного Демиурга, не способного сравниться с Благом богом; человек, обманутый Демиургом, повторяет его путь и в своем слепом тщеславии создает технологии, становясь их пленником. Г. Йонас так описывает этот процесс: «Душа однажды обратилась к матери, она страстно увлеклась ею, и родилось желание испытывать удовольствия тела, и она не захотела освободиться от этого. Поэтому был рожден мир. С этого момента Душа забыла о себе. Она забыла свое изначальное происхождение, свой истинный центр, свое вечное бытие» (Йонас Г. Гностицизм. СПб., 1998. С. 49).

- Маркузе Г. Одномерный человек. М., 1994.
- Марусин И. С. Определение агрессии в Статуте Международного уголовного суда и Уставе Нюрнбергского трибунала // Правоведение. 2013. № 4.
- Мизес Л. Ф. Либерализм. М., 2007.
- Мэмфорд Л. Техника и природа человека // Новая технократическая волна на Западе: сб. ст. М., 1986.
- Нитти Ф. Европа без мира. Пг., 1923.
- Нюрнбергский процесс: сб. материалов: в 2 т. / под ред. К. П. Горшенина и др. М., 1954. Т. 2.
- Ортега-и-Гассет Х. Размышления о технике // Ортега-и-Гассет Х. Избранные труды. М., 1997.
- Поппер К. Открытое общество и его враги: в 2 т. М., 1992.
- Рормозер Г. Кризис либерализма. М., 1996.
- Сталин И. В. О правом уклоне в ВКП(б): речь на пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) в апреле 1929 г. // Вопросы ленинизма. Л., 1952.
- Стародубцева Е. П. К вопросу о сущности техники: типология философских подходов // Эпистемы: сб. науч. ст. Екатеринбург, 2013. Вып. 8: Проблемы современной онтологии.
- Троцкий Л. Д. Бонапартизм, фашизм и война // Бюллетень оппозиции (большевик-ленинцев). 1940. № 84. URL: https://1917.com/Marxism/Trotsky/BO/BO_No_84/BO-0712.html.
- Хабермас Ю. Политические работы. М., 2005.
- Хайдеггер М. Вопрос о технике // Хайдеггер М. Время и бытие. М., 1993.
- Хайек Ф. А. фон. Дорога к рабству. М., 2005.
- Шмитт К. Государство и политическая форма. М., 2010.
- Шмитт К. Номос Земли в праве народов *jus publicum europaeum*. СПб., 2008.
- Шпенглер О. Человек и техника // Культурология. XX век. Антология / под ред. С. Я. Левита. М., 1995.
- Эвола Ю. Фашизм: критика справа. М., 2005.
- Эко У. Вечный фашизм // Эко У. Пять эссе на темы этики. СПб., 2005.
- Эллюль Ж. Другая революция // Новая технократическая волна на Западе: сб. ст. М., 1986.
- Эллюль Ж. Технологический блеф // Это человек: антология философских работ / сост. П. С. Гуревич. М., 1995.
- Юнгер Э. Об опасности (1931) // Юнгер Э. Политические статьи 1923–1933. М., 2008.
- Ясперс К. Современная техника // Новая технократическая волна на Западе: сб. ст. М., 1986.
- Bassiouni M. C. The Penal Characteristics of Conventional International Criminal Law // Case Western Reserve Journal of International Law. 1983. Vol. 15. No. 1.
- Bentham J. Sophismes anarchiques // Oeuvres de J. Bentham. Bruxelles, 1840.
- Carty A. Philosophy of International Law. Edinburgh, 2007.
- Corten O. The controversies over the customary prohibition on the use of force: a methodological debate // European Journal of International Law. 2005. Vol. 16. No. 5.
- Friedrich C. J., Brzeziński Z. K. Totalitarian Dictatorship and Autocracy. 2nd ed. N. Y., 1965.
- Griffin R. The Nature of Fascism. N. Y., 1991.
- Haas E. B. Beyond the Nation-state: Functionalism and International Organization. Stanford, 1964.
- Jarden E. The Israeli-Palestinian conflict in international law // Israel and a Palestinian State: Zero Sum Game? / ed. by A. Stav. Sha'arei Tikva, 2001.
- Kennedy D. Reassessing International Humanitarianism: The Dark Sides // International Law and its Others / ed. by A. Orford. Oxford, 2006.
- Lepage H. «Vrais» ou «faux» droits de l'Homme // Euro 92 Analyses. 1998. № 3.
- Mathias J.-C. Politique de Cassandre – Manifeste républicain pour une écologie radical. Sang de la Terre, 2009.
- Mitrany D. The Functional Approach to World Organization // International Affairs (Royal Institute of International Affairs 1944). 1948. Vol. 24. № 3.
- Paiva Duarte F. de. Environmental and Development Debate: Paradoxes, Polemics and Panaceas // Griffith Law Review. 1999. Vol. 8.
- Pelle A. Legitimacy of Legislative and Executive Actions of International Institutions // Legitimacy in International Law / ed. by R. Wolfrum, V. Roeben. Berlin, 2008.
- Peters A. Sense and Nonsense of Territorial Referendums in Ukraine, and Why the 16 March Referendum in Crimea Does Not Justify Crimea's Alteration of Territorial Status under International Law // EJIL: Talk! 2014. 16 April. URL: <https://www.ejiltalk.org/sense-and-nonsense-of-territorial-referendums-in-ukraine-and-why-the-16-march-referendum-in-crimea-does-not-justify-crimeas-alteration-of-territorial-status-under-international-law>.
- Rosenau J. N. Governance, order, and change in world politics // Governance without government: order and change in world politics / ed. by J. N. Rosenau, E.-O. Czempiel. Cambridge, 1992.

References

- XIII Plenum Iсполnitel'nogo komiteta Kommunisticheskogo Internatsionala. Stenograficheskiy otchet. M., 1934.
- Adorno T.* Kritika kul'tury i obshchestvo (1951) // Artgid. 2018. 6 iyunya. URL: <http://artguide.com/posts/1519>.
- Adorno T.* Negativnaya dialektika. M., 2011.
- Arendt Kh.* Istoki totalitarizma. M., 1996.
- Bassiouni M. C.* The Penal Characteristics of Conventional International Criminal Law // Case Western Reserve Journal of International Law. 1983. Vol. 15. No. 1.
- Bentham J.* Sophismes anarchiques // Oeuvres de J. Bentham. Bruxelles, 1840.
- Ben'yamin V.* Proizvedenie iskusstva v epokhu ego tekhnicheskoi voproizvodimosti: izbr. esse / per. s nem., pod red. Yu. A. Zdorovogo. M., 1996. URL: <http://forlit.philol.msu.ru/lib-ru/benjamin1-ru>.
- Bodriiyar Zh.* Dukh terrorizma. Voyny v zalive ne bylo. M., 2016.
- Bodriiyar Zh.* Prozrachnost' zla. M., 2000.
- Carty A.* Philosophy of International Law. Edinburgh, 2007.
- Corten O.* The controversies over the customary prohibition on the use of force: a methodological debate // European Journal of International Law. 2005. Vol. 16. No. 5.
- Dzhentile E.* Fashizm, totalitarizm i politicheskaya religiya: opredeleniya i kriticheskie razmyshleniya nad krititsizmom interpretatsii // Gefter. 2013. 13 noyab. URL: <http://gefter.ru/archive/10519>.
- Eko U.* Vechnyi fashizm // Eko U. Pyat' esse na temy etiki. SPb., 2005.
- Ellyul' Zh.* Drugaya revolyutsiya // Novaya tekhnokraticeskaya volna na Zapade: sb. st. M., 1986.
- Ellyul' Zh.* Tekhnologicheskii blef // Eto chelovek: antologiya filosofskikh rabot / sost. P. S. Gurevich. M., 1995.
- Evola Yu.* Fashizm: kritika sprava. M., 2005.
- Friedrich C. J., Brzezienski Z. K.* Totalitarian Dictatorship and Autocracy. 2nd ed. N. Y., 1965.
- Genon R.* Krizis sovremennogo mira. M., 2018.
- Genon R.* Tsarstvo kolichestva i znameniya vremeni. M., 2010.
- Griffin R.* The Nature of Fascism. N. Y., 1991.
- Haas E. B.* Beyond the Nation-state: Functionalism and International Organization. Stanford, 1964.
- Jonas G.* Gnostitsizm. SPb., 1998.
- Istoriya Velikoi Otechestvennoi voyny Sovetskogo Soyuza 1941–1945 gg.: v 6 t. M., 1960. T. 1: Podgotovka i razvyazyvanie voyny imperialisticheskimi derzhavami.
- Jarden E.* The Israeli-Palestinian conflict in international law // Israel and a Palestinian State: Zero Sum Game? / ed. by A. Stav. Sha'arei Tikva, 2001.
- Kant I.* Metafizika нравов v dvukh chastyakh // Kant I. Sochineniya: v 6 t. M., 1965. T. 4. Ch. 2.
- Katasonov V. Yu.* Kapitalizm. Istoriya i ideologiya «denezhnoi tsvilizatsii». M., 2013.
- Kennedy D.* Reassessing International Humanitarianism: The Dark Sides // International Law and its Others / ed. by A. Orford. Oxford, 2006.
- Khabermas Yu.* Politicheskie raboty. M., 2005.
- Khaidegger M.* Vopros o tekhnike // Khaidegger M. Vremya i bytie. M., 1993.
- Khaiek F. A.* fon. Doroga k rabstvu. M., 2005.
- Lepage H.* «Vrais» ou «faux» droits de l'Homme // Euro 92 Analyses. 1998. № 3.
- Mandel' E.* O material'nykh, sotsial'nykh i ideologicheskikh predposylkakh natsistskogo genotsida // Red Flora. 2012. 9 maya. URL: <http://www.redflora.org>.
- Markuze G.* Odnomernyi chelovek. M., 1994.
- Marusin I. S.* Opredelenie agressii v Statute Mezhdunarodnogo ugolovnogo suda i Ustave Nyurnbergskogo tribunala // Pravovedenie. 2013. № 4.
- Mathias J.-C.* Politique de Cassandre – Manifeste républicain pour une écologie radical. Sang de la Terre, 2009.
- Memford L.* Tekhnika i priroda cheloveka // Novaya tekhnokraticeskaya volna na Zapade: sb. st. M., 1986.
- Mitrany D.* The Functional Approach to World Organization // International Affairs (Royal Institute of International Affairs 1944). 1948. Vol. 24. № 3.
- Mizes L. F.* Liberalizm. M., 2007.
- Nitti F.* Evropa bez mira. Pg., 1923.
- Nyurnbergskii protsess: sb. materialov: v 2 t. / pod red. K. P. Gorshenina i dr. M., 1954. T. 2.
- Ortega-i-Gasset Kh.* Razmyshleniya o tekhnike // Ortega-i-Gasset Kh. Izbrannye trudy. M., 1997.
- Paiva Duarte F. de.* Environmental and Development Debate: Paradoxes, Polemics and Panaceas // Griffith Law Review. 1999. Vol. 8.
- Pelle A.* Legitimacy of Legislative and Executive Actions of International Institutions // Legitimacy in International Law / ed. by R. Wolfrum, V. Roeben. Berlin, 2008.

Peters A. Sense and Nonsense of Territorial Referendums in Ukraine, and Why the 16 March Referendum in Crimea Does Not Justify Crimea's Alteration of Territorial Status under International Law // EJIL: Talk! 2014. 16 April. URL: <https://www.ejiltalk.org/sense-and-nonsense-of-territorial-referendums-in-ukraine-and-why-the-16-march-referendum-in-crimea-does-not-justify-crimeas-alteration-of-territorial-status-under-international-law>.

Popper K. Otkrytoe obshchestvo i ego vragi: v 2 t. M., 1992.

Rormozer G. Krizis liberalizma. M., 1996.

Rosenau J. N. Governance, order, and change in world politics // Governance without government: order and change in world politics / ed. by J. N. Rosenau, E.-O. Czempiel. Cambridge, 1992.

Shmitt K. Gosudarstvo i politicheskaya forma. M., 2010.

Shmitt K. Nomos Zemli v prave narodov jus publicum europaeum. SPb., 2008.

Shpengler O. Chelovek i tekhnika // Kul'turologiya. XX vek. Antologiya / pod red. S. Ya. Levita. M., 1995.

Stalin I. V. O pravom uklone v VKP(b): rech' na plenumе TsK i TsKK VKP(b) v aprele 1929 g. // Voprosy leninizma. L., 1952.

Starodubtseva E. P. K voprosu o sushchnosti tekhniki: tipologiya filosofskikh podkhodov // Epistemy: sb. nauch. st. Ekaterinburg, 2013. Vyp. 8: Problemy sovremennoi ontologii.

Trotsky L. D. Bonapartizm, fashizm i voina // Byulleten' oppozitsii (bol'shevikov-lenintsev). 1940. № 84. URL: https://1917.com/Marxism/Trotsky/BO/BO_No_84/BO-0712.html.

Vattimo Dzh. Prozrachnoe obshchestvo. M., 2002.

Yaspers K. Sovremennaya tekhnika // Novaya tekhnokraticeskaya volna na Zapade: sb. st. M., 1986.

Yunger E. Ob opasnosti (1931) // *Yunger E.* Politicheskie stat'i 1923–1933. M., 2008.

Zhizhek S. 13 opytov o Lenine. M., 2003.